ЭКСПЕДИЦИЯ ВО МРАК
II ЧАСТЬ – ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ПРОПАСТЬЮ

5. В ЧЕЛЮСТЯХ СИНЕГО ДРАКОНА

2. СУХИЕ ГЛАЗА

Обычно наш самолет прилетал в Адлер поздно вечером. И первое же острое впечатление – влажная парная жара, духота, пропитанная пряными запахами субтропической растительности. Курортная суета аэропорта, бабульки, предлагающие ночлег за умеренную по кавказским понятиям мзду, разлапые черные в ночи пальмы – все так знакомо! И где-то уже рядом море, прекрасное, как детский сон.

– Привет! Из Усть-Каменогорска?

Узок мир! Надо же было прилететь сюда за тридевять земель, чтобы встретить земляков восточно-казахстанцев. Обмениваемся незамысловатым набором обычных в таких случаях фраз.

Парни предлагают подвезти в сторону Сочи.

Вот так удача! До Хосты, куда я направляюсь инструктором на очередной спелеосеминар, в это время суток так просто не доберешься.

Дорога пролетает мгновением. Выпрыгиваю в ночь на повороте шоссе. Мой рюкзак-станок встает на колесики рядом. Поехали!

Тащу за собой увесистую спелеологическую поклажу и думаю о знаменитой лестнице турбазы "Южная", где будет начинаться наш семинар: все двести или триста (сбиваюсь!) ее ступенек мне предстоит штурмовать с этим монстром за плечами.

В голове вертятся строчки Городницкого:

"...Ждите нас не встреченные школьницы-невесты,
 В маленьких асфальтовых южных городках..."

Как же, ждут нас...

...Желтый свет окошек за заросшими лозой изгородями, черные контрастные тени на асфальте, сонные витрины магазинчиков. Откуда-то доносится тихая музыка. Цокот каблучков по гулкому тротуару...

Кажется, я уже не знаю, куда иду. Спросить что ли у каблучков?

Цок-цок-цок – она уже совсем рядом: легкая походка, блестящие глаза.

Останавливаюсь:

– Не подскажете – на "Южную" я правильно иду?

– Почти! – чуть заметный запах "Изабеллы" объясняет несколько нетвердый шаг моей спутницы. – Пойдем, пока нам по пути.

Девушка берется за дугу моего станка и идет рядом, касаясь моего плеча пушистой волной слегка растрепанных волос. Тянет старательно.

Я молчу, и она поднимает на меня ночные глаза:

– Ты разве не чувствуешь, как я помогаю?

– Чувствую.

– Слушай, а как ты все это потащишь?

– На себе. Ногами.

– На себе? Обалдел. Такая тяжесть!

Мы идем плечо к плечу по ночной Хосте и катим станок. Она молчит, о чем-то думает.

Потом смотрит на меня:

– У тебя жена есть?
– У кого их нет...
– Нет, я серьезно!
– И я серьезно.
– А как же ты уезжаешь, а она остается?
– А что ей тут делать?
Не люблю случайную болтовню на личные темы. Не объяснять же, что моя жена первой из женщин Казахстана ступила на 1000-метровую глубину...
– Шла бы, как я...
– Это по асфальту хорошо, а по лестнице...
– ...И по лестнице бы шла, – кивнула головой, будто решила для себя что-то важное.

Напротив небольшого ярко освещенного ресторанчика, откуда доносится легкая музыка, останавливаемся. Моя незнакомка касается пальцами четырехугольной бляхи значка контрольно-спасательной службы, что несколько пижонски украшает мою рубашку. Отклоняется на свет. Некоторое время молча рассматривает, наверно, читает надпись, потом поднимает ко мне затуманенное лицо:
– У вас опасно?
– Так себе.
– Ну, гибнут много?
– Да нет, не очень. Иногда.
– Значит, можно погибнуть.
– Погибнуть можно и здесь вот, под машиной...
– Нет. Это не то.
И уже отбежав:
– Слышь? Хочешь – подожди – я помогу?

Будь счастлива, Невстреченная!

* * *

Поднимая глаза от пишущей машинки, я встречаюсь с ними взглядом...
Мишаня в пиратском платке щурит цепкие глаза – обрыв веревки в Заблудших.
Внимательно и как-то одобрительно улыбается Саша Морозов – лавина на Хуп-Хулцве.
А Сережка Будкин будто отвлекся на минутку, оглянулся на зов, еще не поняв, в чем дело, да так и застыл навсегда.
Серега – это Сукуруйский сифон...

Когда узнаешь об очередной аварии где-нибудь на Бзыби, когда изучаешь скупые сводки происшествий по итогам очередного сезона – что-то сжимается и твердеет в груди.
И мир вокруг становится строже и беспощаднее.
Словно кто-то выключил рубильник, и передача пошла в черно-белом изображении.
Но все это как-то издалека. Чувства подогреваются воображением, но не задевают глубоко. Боль не успевает разрастись, бьет вскользь, на излете, и уходит, оставаясь в памяти информативно, профессиональной зацепкой, чтобы никогда не забыться.

* * *

Ты идешь вперед в плотной когорте друзей, от пропасти к пропасти.
Удачи сменяются отступлениями.
А где-то – далеко-о! – что-то происходит.
По мелочам и покруче.
Но вдруг – случается всерьез, и тогда общее монолитное стремление вперед будто приостанавливается.

Все замирает на мгновение – в вакуумной тишине, как в минуте молчания.
Оцепенение проходит, и мы по-прежнему стремимся вперед.
От экспедиции к экспедиции.
И снова рядом удар Беды.
Теперь ближе – это уже знакомые наших знакомых.
И вот где-то на промозглом московском кладбище ты стоишь в толпе, всматриваясь поверх голов в то, что когда-то было твоим коллегой по кейвингу.
Он был, как ты, а теперь...
Так в апреле 1983 года мы хоронили Сашу Михалина – лидера спелеологов МГУ.
Мы работали в Снежной, МГУшники – в другой Бзыбской пропасти – пещере имени Алексинского. При спуске в один из колодцев Михалин въехал в "бороду" из двух веревок. Сверху вдоль навески шла вода, и Саше долго не удавалось распутать веревочную кудель. Видимо, начал замерзать, решил отделаться от страховки и... по какой-то нелепой случайности, страшной ошибке одним взмахом ножа перерезал рапель и страховочную веревку.
Колодец был 60 метров.

* * *

Знакомые наших знакомых.
Это уже совсем рядом, но все еще далеко.
Это только имена, которые знают все, или почти все, в нашем кругу.
Они не входят в нас личным ощущением, чувствами, памятью совместных экспедиций.
Это чья-то боль – потери других когорт.
А твоя когорта идет вперед.
И в этом движении уверенность, мощь хорошо отлаженной машины.

...Со временем потери молодости воспринимаются как неизбежность поры мужания, становления характеров, утверждения в выборе Дела.
Потери молодости быстро регенерируют, и в редких рассказах о них – суровая романтика: все уже давно прошло.
Потери – в прошлом.
Рядом – проверенные друзья, с которыми общи не только экспедиции, но нечто большее.
И ваши дети уже знают друг друга.
И жены обмениваются женскими секретами, пока вы в дружеском кругу курите на лестнице в неспешной беседе о новых дорогах.
Твоя когорта идет вперед.

* * *

...Мы живем как будто под обстрелом,
Через риск с беспечностью скользя.
Вот опять, глядишь, перелетело:
Что ж, у нас без этого нельзя.
Но уверишь чуть в неуязвимость,
Где одни надежды у лица,
Вдруг как двинет прямо в середину!
Опаляя души и сердца... (*194)

Сережа Будкин – это было попадание, если не в самый центр, то в авангард нашей когорты.
19 июля 1985 года Серега ушел в сифон источника Сукуруй, на левом берегу реки Белой ниже Кутукского урочища, и... не вернулся.
Он возвращался из сифона, ходовой конец закрепленной в сифоне перильной веревки уже подрагивал в предсифонном озере в руках страхующего.
До солнечного света оставалось всего несколько метров.

Серегу нашли в этих нескольких, так и оставшимися для него не пройденными, метрах от выхода.

Когда по изменившемуся поведению ходового конца заподозрили неладное и пошли в сифон.

Не верилось, что с Серегой может что-либо случиться.

Что вообще может случиться такое.

Слишком поздно поняли...

* * *

Если в конце 80-х внимание спелеоподводников СССР, прежде всего, было устремлено на исследование карстовых источников Кавказа, то наша команда мужала в сифонах Южного Урала. Главное место в этих исследованиях занимала подземная река пропасти Кутук-Сумган. Да и вся огромная гидросистема Кутукского урочища до сих пор остается тайной (*195), незаслуженно обойденной вниманием первооткрывателей.

История исследования Кутукских сифонов начинается в конце 60-х годов, когда спелеологи Свердловска (Екатеринбург), исследуя вслед за уфимцами пещеры урочища, попробовали заглянуть в сифоны, но каких-либо ощутимых успехов не добились. После попытки поднырнуть под скалу Сукурайского источника, где появляется на свет подземная река Кутук-Сумгана, исследователи сообщили, что уперлись в непроходимые узкие щели.

Это было непонятно. С трудом верилось, что поток с расходом в межень около 500 литров в секунду появляется из недоступных для человека трещин. Впрочем, на достоверность информации вполне могли наложить отпечаток политические соображения. В плане первопрохождений свердловчан едва ли можно было отнести к бескорыстным рыцарям спелеологии.

Сифоны Кутукского урочища заинтересовали нас со времени первых экспедиций на Южный Урал, то есть с середины 70-х. Но в Сукурайское озеро мы решились заглянуть не сразу.

Зимой 1977-го года рекогносцировочная экспедиция в составе шести человек (*196) начинает разведку сифонов Сумганской реки. В Сукурайском гриффоне на глубине -10 метров удалось обнаружить уходящее вниз черное отверстие, по которому Юрий Панов смог продвинуться метров на 50, достигнув глубины -20 метров.

Все начиналось, подобно исследованиям Воклюза, когда за каждым пройденным метром ожидался перегиб потолка на всплытие в неизвестную засифонную часть пещеры. И были основания. Уровень озера источника Сукурай всего на 6 метров выше уровня реки Белой, принимающей его воды. Ну что там может быть этакого? Как-то не верилось, что штурм сифона может затянуться.

Выход в свободные от воды засифонные галереи казался нам таким скорым, мы так ждали этого события, что не раз становились жертвой веселых розыгрышей.

Самый колоссальный из них ознаменовал соединение до того незнакомых между собой групп подводников двух знаменитых московских ВУЗов - Московского Геологоразведочного (МГРИ) и МВТУ имени Н.Э.Баумана.

Поводом, как всегда, послужила случайность.

Как-то под новый, 1977 год, в МВТУ, где я в то время учился, мое внимание привлекло вывешенное в фойе Главного корпуса красочное объявление. Группа подводников Приборостроительного факультета приглашала всех желающих на встречу, где предполагался показ слайдов с рассказом о путешествии по реке Белая на Южном Урале.

По нашим любимым местам? Вот так штука!

Тут же звоню в МГРИ Бобу Вейсу и предлагаю посетить мероприятие. Геологи легки на подъем, и вот мы с Бобом, пихая друг друга локтями, смотрим слайды и слушаем симпатичных ребят, которые, оказывается, не только сплавлялись по Белой, но и ныряли в некоторые источники по ее берегам.

И, в частности, – осмотрели Сукурайское озеро!

Слайды у парней были хорошие, и об аквалангах они знали не понаслышке.

Так мы познакомились с Игорем Диановым и Юрием Пановым. Это событие послужило началу многолетней дружбе и совместной работе по исследованиям сифонов Кутукского урочища.

Тут же договариваемся о новой встрече у Вовчика Свистунова, где собиралась наша, объединенная прошлогодней встречей на Южном Урале, спелеогруппа "ипНАсг-Фантом". Просим ребят показать слайды и рассказать не только о сплаве по Белой, но поделиться и другой подводной информацией. Панов с Диановым соглашаются без колебаний. Так что мы с Бобом остаемся очень довольны итогами нашей вылазки.

Вроде, все, пора и нам с Бобом расставаться, отправляясь восвояси: Вейсу – в общагу у метро "Беляево", мне – в штабквартиру "Фантомов" на "Профсоюзной".

Мы уже собираемся прощаться до встречи у Вовчика, как вдруг потрясающая идея заставляет нас подпрыгнуть и с восторгом посмотреть друг на друга.

– Убьют! – хмыкнул Боб.

– Гостей не тронут, – возразил я.

– Гостей не тронут, а нас убьют! – обреченно сказал Боб и сладостно потер ладони. – Но зато что бу-уде-ет!..

Прибываю домой и тут же звоню Дианову. Уговорить новых знакомых оказать поддержку в нашем с Бобом начинании не составило большого труда, и мы поняли – сработаемся!

И вот вечером того же дня звоню Вовчику и убитым голосом сообщаю крайне неприятную "новость".

Суть ее можно выразить весьма коротко: "Пройден сифон Сукурая!"

Бомба рванула, и эхо заметалось по окружающим хребтам...

Надо отдать Вовчику должное – он не поверил.

Тогда я сказал, что ровно через неделю придут ребята, принесут слайды и фотографии, и тогда все сами все увидят и услышат, а с меня достаточно, я уже все видел, пережил и теперь в глубоком трансе.

– Иди ты врать! – сказал Вовчик, но в его голосе уже не было былой уверенности.

Позже выяснилось, что передо мной Вовчику звонил Боб и уже успел "порадовать".

Ясное дело, не только Вовчику мы "жаловались на судьбу".

Весть покатилась со скоростью сплетни. Через день о том, что нас опередили, уже знали все.

Но, понятно, верить никому не хотелось. Чего только мы с Бобом не пережили за эту неделю. Нас пытали вместе и порознь, устраивали логические ловушки, периодически убеждали каждого, что другой раскололся и признался в том, что все это вранье и гнусный треп.

Мы держались.

В назначенный день вся наша спелеогруппа собралась в ставке "Фантома". Ожидание и волнение достигли предела. Намеренно уклонялись от обсуждений и споров, ждали гостей.

И они пришли. Панов с Диановым строго выдерживали условия соглашения. Более того – превзошли наши надежды. Под настороженными прямо-таки трепещущими взглядами парни и бровью не повели.

После знакомства и увертюрных разговоров пришла пора слайдов.

Мы с Бобом все это время с понурым, но несколько даже торжествующим видом: "Ага! Не верили? А вот!" – создавали антураж.

И никто не видел, как в коробочку со слайдами, что готовился показывать Дианов, был подложен какой-то, не совсем обычный, кадр.

С каждой красочной картиной, появляющейся на экране по мановению диановской руки, с каждым словом суховатого пояснения Панова, лица наших парней принимали

все более расстроенное выражение. Синева Сукурайского озера, черно-желтые гидрокостюмы, аквалангисты, уходящие под воду...

Все это натурально смотрело с экрана.

Надежды рушились, и уже никто не сомневался – сифон действительно пройден этими парнями...

Боб Вейс не рассчитал – он сел слишком далеко от выхода.

Потому он не успел ретироваться, когда вслед за заключительным кадром Диановского слайдфильма на экране возникла корявая, но очень отчетливая, белым по оранжевому, надпись, нацарапанная мною иголкой на слайдовой пленке.

– "НУ? И КАК МЫ ВАС НАКОЛОЛИ?"

Помните таинственный слайд?

В комнате воцарилась мертвая тишина.

Все тупо смотрели на экран, вчитываясь в финальный титр.

Медленно-медленно лица приобретали осмысленность, глаза начинали шарить по сторонам.

Я знал, кого они искали. И молча ринулся к выходу.

Рев за моей спиной возвестил, что Боб схвачен.

Меня поймали на лестнице тремя этажами выше.

Месть была ужасна.

* * *

Так родилась наша спелеоподводная группа, которая более 10 лет занималась исследованиями сифонов Кутукского урочища.

Не удивительно, что уже через пару месяцев после феноменального розыгрыша рекогносцировочная экспедиция отправилась к Сукураю. Не хотелось дольше рисковать шансом на первопрохождение!

Сифон посмотрели, пощупали и поняли, что есть смысл работать. И что работа будет непростая.

В сентябре 1977 года Сукурай не трогали. Володя Свистунов впервые углубился в верхний сифон Сумганской реки на 50 метров по расстоянию. Благо, глубины были не большие – не более 5-8 метров.

Дневник сохранил строчки той экспедиции:

"Связь опять запаздывает. Фотографирую "зимний" Сумган – выпавший за ночь ранний этой осенью снег преобразил все до неузнаваемости. Наконец, из динамика вырывается голос Игоря.

Бегом спускаюсь на Южную площадку, хватаю микрофон.

У связи Вовчик:

– Прошли сифон!

– Иди ты!

– Точно!

– Сколько?

– 30 метров, потом галерея метров 20, глубина – метров 5, над головой метра 3 воздуха...

– А дальше?

– Похоже, поворот.

– Чего дальше не пошли, страховки не хватило?

– Да нет, я потек здорово. Да и не вижу без очков под водой. Сейчас надо бы еще нырять.

– Конечно. Воздуха много?

– До фига. Игорь уже готовится.

Вот это удача. Пройден сифон Сумгана!

Договариваемся о следующей связи и идем домой.

Сифон взят!
А ветер закручивает над логами белую снеговерть..."

И другие, написанные под землей, в рыжем свете свечей подземного лагеря:

"...У меня опять напрочь замерзли руки. Пора забираться в палатку.
– Сейчас предстоит вечернее расчесывание головы, – говорит Леха. – У меня голова, как у индейца!
– Это как? – спрашивает Вовчик.
– Ну, как... Индейцы-то, они, когда мясо едят, руки о голову вытирают...
Пока я пишу, мужики по очереди лезут в палатку. Слышу, как они перепираются между собой, кто толще.
– Нет, ты, Вовчик, толще, – говорит Леха. – Вот я один в спальнике – мне не тесно, а как ты влезешь, так сразу не повернуться!
Из экономии веса снаряжения мы в подземном лагере спим в спальных мешках по двое. Из палатки несется пыхтение:
– Ну, кто из нас толще?
– А давай вылазь, посмотрим, как мне будет!
Потом вдруг все резко затихает. В наступившей тишине раздается свисток. Одинарный. Это Леха пошел на "спуск" (*197).
Спокойной ночи..."

* * *

Атака на Сукурайский сифон была повторена через год – зимой 78-го.

В своих планах экспедиция не ограничивалась только Сукураем. Осенний успех в Верхнем сифоне требовал быть подтвержденным. Так что одновременно планировалось продолжение прохождения верхнего сифона подземной реки Кутук-Сумгана, как, на наш взгляд, наиболее простого и перспективного с точки зрения выхода в засифонные продолжения пещеры.

К прошлогоднему костяку: Панов-Дианов-Свистунов прибавилась команда подводников в составе Игоря Гусева, Андрея Ильченко, Игоря Галайды, Сергея Черкашина, Сергея Будкина, Александра Щербины и Алексея Казеннова, среди которых были достаточно сильные ныряльщики.

Это была самая многочисленная наша зимняя экспедиция – 28 человек.

На каждого подводника приходилось по два человека из состава групп обеспечения.

Серьезно собрались. И результаты тоже были солидные.

Группа "Гриффон" прошла в сифоне Сукурайского источника 100 метров, достигнув глубины –45 метров (Ю.Панов, В.Свистунов) и установив рекорд СССР по глубине погружения в сифонах (*198).

Группа "Сифон" продвинулась в верхнем сифоне Сумганской реки на 80 метров (прибавив 30 метров протяженности к прошлогоднему достижению) при максимальной глубине сифона до –10 метров.

Понятно, не обошлось без приключений. Случай с Володей Свистуновым в Сукурайском гриффоне я описал в рассказе "Аквамариновая история", но это было далеко не все.

30 января, в самом начале экспедиции, на обследование предсифонного озера подземной реки Кутук-Сумгана отправилась двойка Казеннов-Щербина.

Заплыв был скорее прогулочным, так как задачей этой двойки было только определить точное положение входа в сифон. К серьезному штурму в это время готовились более опытные товарищи.

– Птер, – сказал Леха. – Я иду первым, ты за мной. Пойдем вокруг озера вдоль стены галереи. Где-нибудь да и наткнемся на вход.

Немногословный Шура Щербина, по прозвищу Птеродактиль, или попросту – Птер, кивнул, и вода забурлила под ластами разведчиков.

Страховку для уходящих в верхний сифон Сумгана обычно организовывали на небольшом островке у левой стены предсифонной галереи.

Галерея подземной реки Кутук-Сумгана, как и все в этой пропасти, выглядит весьма внушительно: высоченные изъеденные эрозией черные стены на высоте более десяти метров увенчаны более светлыми сводами. Мощный шум воды на ближнем перекате, гулкое эхо, черная неподвижность воды предсифонного озера.

Не имеющих гидрозащиты переправляли к острову на лодке, и перевозчик, понятно, именовался Харон. С мифологией, в отличие от гидрокостюмов, у нас было все в порядке.

На этом левобережном островке страховал двойку разведчиков Игорь Дианов, внимательно выпуская из катушки 25-метровые звенья ходового конца с пропущенным внутри полой нейлоновой стропы телефонным проводом.

Двойка Казеннова канула в черную воду озера, и только уползающий следом "ходовик" свидетельствовал о ее продвижении (*199).

Игорь внимательно считал маркировочные метки ходовика: 10, 20, 25 метров, 30, 40...

Стало ясно, что двойка ушла в сифон.

Намеренно или случайно, но ушла.

Когда счет перевалил за 50 метров, группа на островке была приведена в повышенную готовность. И не зря.

На 75-м метре вдруг раздались частые хаотичные подергивания ходового конца. На "рыбьем" языке это могло означать только одно - авария!

Ситуация требовала немедленного действия.

Что было делать? Тащить?

Казеннов шел первым и не заметил, как углубился в сифон. Они с Птером продвигались вдоль дна галереи, видимость в сифоне в тот день была неважной - вода шла с какой-то мутью. В итоге они пропустили момент, когда зеркало предсифонного озера над головой сменилось каменной твердью сводов.

Леха шел первым, протягивая ходовой конец, Шурка - вторым, пристрахованный к ходовику скользящим карабином. С каждым гребком ластами двойка углублялась в сифон.

Пришло время, когда они поняли, что это уже не озеро. И в этот момент у Лехи что-то случилось с воздухом. Резко возросло сопротивление на вдохе. Воздух протягивался, но его не хватало!

Леха плохо помнил, как все происходило. Почувствовав удушье, он дал сигнал бедствия. И тут же ощутил, как его потащили.

Хорошо, что в сифоне не оказалось перегибов, могущих погасить сигналы ходовика и затруднить его протаскивание.

Поняв, что в сифоне беда, страхующие изо всех сил рвали на себя страховочный шнур.

Успели.

- Слышь, Костик? - рассказывал потом, посмеиваясь, Леха. - У меня только одна мысль тогда была: "Жалко - такой молодой!" Ничего больше не помню!

Да-а... Не все было гладко в той экспедиции.

Главное, что мы так и не поняли, что случилось с легочным автоматом Лехиного акваланга. И случилось ли...

* * *

Тогда ему было всего 20 лет, нашему Лехе.

Я поднимаю глаза к его фотографии.

Леха смотрит на меня и улыбается в усы - такой до беззащитности открытой доброй улыбкой, какой мог улыбаться только он.

После того полубессознательного выхода из сифона Леха быстро оправился. Его неиссякаемый оптимизм не располагал к длительному упадку.

Но причина происшествия осталась неясна до сих пор.

Акваланг оказался исправен. Что могло быть?

Оставляя непонятыми до конца причины аварии, мы обрекаем себя на ее повторение.

Кто знает, пойми мы причины того происшествия в сифоне Сумгана - и наши судьбы сложились бы иначе?

* * *

С 79-го года мы начинаем совместную работу с подводниками из башкирского города Салавата, которые усиливают и без того уже солидную нашу "рыбью" команду.

Сукурай отбил первые кавалерийские наскоки, оказавшись настоящим монстром. Стало ясно, что с нашим подводным снаряжением на таких глубинах делать нечего. Теперь вниманием группы целиком завладел верхний сифон Сумганской реки.

В феврале 1983 года москвичу Сергею Будкину и Вячеславу Гладкому из Салавата удалось пройти этот сифон на 150 метров.

Мы не имели данных о достижениях в сифонах СССР того времени, подобных нашему - возможно, это был рекорд страны.

Подводники дошли до огромной воздушной подушки - участка незатопленной галереи с каменной осыпью.

Погружение протекало в отличных условиях: вода оказалась настолько прозрачной, что позволила рассмотреть впечатляющие размеры сифона - ширина 10-12 метров при высоте 3-5 метров.

При этом парням нигде не приходилось погружаться глубже 10 метров.

Казалось, что шансы на выход в сухие продолжения Сумгана с каждым разом все возрастают. Наложение топографических съемок пещеры и поверхности показывало, что где-то за верхним сифоном Кутук-Сумгана находится крупный гидроподземный узел. В этой зоне сходились направления верхнего сифона подземной реки, сухих галерей проспекта Геофака верхнего яруса пропасти и донного сифона другой крупной пещеры урочища - Четвертой Кутукской, вход в которую расположен в километре от входа в Сумган.

Идея достичь этого узла не давала нам покоя. И достичь его мы старались различными путями.

С одной стороны, подводники наращивали протяженность исследованных частей подземной реки - коллектора всех карстовых вод района. При этом предпринимались попытки прохождения сифонов не только Кутук-Сумгана, но также пещер Четвертой Кутукской в километре и Зигзаг в 5 километрах выше по течению.

С другой стороны, "сухопутные" группы вгрызались в глину в конце Проспекта Геофака, что привело к открытию галереи Фортуны в его конце, и продолжали копать дальше в надежде на выход к реке в обход сифонов.

Топосъемка показывала, что пробитые нами штольни находились всего лишь на 2-3 метра выше уровня Сумганской реки (*200).

Разгорелось своеобразное соперничество: кто будет первым в засифонных галереях? Спор между "кротами" и "рыбами" подогревал поставленный на кон ящик шампанского. Шутки шутками, а удача бродила где-то рядом. Так, во всяком случае, казалось. И тут...

* * *

С гибелью Сереги Будкина летом 85-го в Сукуруйском сифоне в подводных исследованиях Кутукского урочища наступил кризис.

Чтобы оправиться от шока потери, требовалось время.

Нельзя сказать, что никто нигде не нырял, но чувствовалось.

Тем не менее, в феврале 1986-го, отправляется очередная экспедиция усиленная участием московского спелеоподводника Евгения Войдакова, когда удалось снова выйти в подтопленную засифонную галерею на расстоянии около 150 метров от входа в Верхний сифон реки.

Однако экспедиция была прервана в самом конце, когда бывший друг и соратник, начальник салаватского контрольно-спасательного отряда, вытащил

веревки из входной шахты пропасти, и нашей команде пришлось четверо суток жить на дне входного колодца Сумгана практически без продуктов, света и топлива.

В этот период я уже жил в Восточном Казахстане. Так что участвовать в московских экспедициях удавалось только эпизодически. Как я завидовал моим парням! Как хотелось поехать на зимний Урал, зарыться в его снега, пропитаться морозным запахом, сосновым дымом капризной печурки Сумганской фермы, побродить по заледеневшему, преображенному зимой Сумгану.

Единственное, чего не хотелось – так это таскать многочисленные тяжелющие "рыбьи" баллоны, что превращалось в утомительную процедуру как на подходах, так и в самой пропасти.

Но зато, какая компания! Возможность быть со своими, равным среди равных, заниматься любимым делом вместе с теми, кто тебе дорог и кому веришь, как себе, – это ли не счастье?

Не мне одному хотелось из Казахстана на Урал. Друг мой Алексей Казеннов, закончив геологоразведочный, перебрался ко мне в Усть-Каменогорск, предпочтя мифическую столичную геологию богатейшим месторождениям Рудного Алтая.

Человек предполагает, а жизнь, как известно, все устраивает по-своему. Женившись, Леха снова возвращается в Москву и долгое время оказывается оторванным от пещер, решая неизбежные жизненные проблемы. Но, обзаведясь симпатичнейшим потомством в лице дочки Насти и младшенького Даньки, семейство Казенновых постепенно возвращается к нормальному, в нашем понимании, образу жизни.

Так что Леха собирался в зимнюю экспедицию 1988-го, а я не мог.

Мне оставалось завидовать Лехе белой завистью. И ожидать результатов.

Поняв, что все сходится, и на этот раз он точно едет, Леха прямо-таки воспрянул. И вообще, все наши светились от предвкушения хорошей работы в отличной компании.

* * *

Экспедиция отправилась в дорогу в конце февраля. А в начале марта, поздно вечером, когда все у нас дома уже спали, и только я, по привычке, еще сидел за своим письменным столом, раздался телефонный звонок.

Ничего не подозревая, поднимаю трубку.

Москва.

– Костик? – это Роза, жена Вовчика, и я очень рад – мы редко говорим с ней по телефону.

– Розалия? Привет! Как дела? Как там мужики?

Меня распирает от желания узнать подробности.

Ведь, наверно, вернулись, если звонят.

Только почему Роза?

– Костик... Леха погиб. В сифоне...

* * *

Когда бьет в самую середину – это ни с чем не спутаешь.

Здесь нет ни грамма похожего на уже испытанное когда-либо, на ту смесь горечи с суровой печалью, что мужественной печатью несут на лицах молодые романтики, едва овеянные ветрами далекой от них беды.

Когда бьет в середину – ты либо тоже ранен, либо контужен, и в голове гул, и как-то незнакомо тянет сердце, и ты не можешь с этим совладать.

А мысли – то скачут, то отупело ворочаются в голове: как же так?!

Где-то были сигареты...

Как хорошо, что ночь, и никому ничего не надо сейчас говорить, объяснять, смотреть в огромные, переполненные слезами и ужасом глаза Любы и видеть, как в них закипает, растет, переливает за края боль.

Которую теперь не избыть.

Как же так?!?!!!

* * *

Настроение перед штурмом было прекрасное. Воздуха в доставленных к сифону баллонах хватало на хорошую работу. Все готово. Все, о чем мечтали последние месяцы, чего ждали, к чему готовились.

Начать решили с акклиматизационных заплывов – никаких результатов, просто размяться, обвыкнуть в холодной воде и мраке сифона. Южный Урал – не Флорида и не Мексика, тем более, зимой: водичка +2 по Цельсию!

Все шло нормально. Подводники уходили в предсифонное озеро и возвращались. Последними в этот день на акклиматизацию отправилась двойка Казеннов-Дианов.

Леха шел первым. Игорь – более опытный, чуть сзади. Быстро и легко они углубились в сифон метров на 70. Все шло нормально, и подводники решили возвращаться.

Игорь поднял скрещенные на уровне лица руки: крест – "кончаем, пошли назад".

Леха ответил тем же сигналом: "Все понял, согласен, идем назад".

Дианов развернулся к выходу. За плечами три баллона с воздухом, дублированные легочные автоматы: на языке спелеоводолазов – "трюльник". В громоздком снаряжении каждый маневр требовал дополнительных усилий.

Уходя в сифон вторым, Дианов теперь должен был возвращаться первым.

Перед тем как отправиться к выходу из сифона, Дианов оглянулся.

Лехи не было.

Игорь не понял и развернулся еще раз, осматриваясь. В метре над собой он увидел интенсивно работающие концы Лехиных ласт и, под самым сводом, – серебристое зеркало поверхности воды. Воздушный пузырь.

Но почему Леха всплыл? Может, заметил продолжение пещеры?

Дианов несколько мгновений подождал. Леха по-прежнему висел над ним в зеркале пузыря. Тогда Игорь всплыл тоже.

Пузырь был небольшой, с гладкими стенами выступающих из воды сводов. Леха дышал из пузыря, выплюнув загубник. Аварийный, запасный загубник дублирующей системы дыхания тоже висел свободно. Леха держался руками за скользкие стены и, работая, ластами, оставался наплаву. С тремя баллонами за спиной и всей остальной сбруей, включая грузовой пояс, это было нелегко.

Дианов сразу почувствовал, как снаряжение тянет обратно в глубину.

Первой мыслью было, что у Лехи неполадки с подачей воздуха. Автоматическим движением Игорь сорвал с плеча свой запасный загубник и сунул Лехе в зубы.

Тот загубник взял, но тут же выплюнул.

– В чем дело? – спросил Дианов, тоже вынимая свой загубник.

– Погоди, сейчас объясню...

Леха ответил спокойно, никаких признаков тревоги не заметил Игорь в его словах. Дианов открыл было рот, чтобы продолжить разговор и... сорвался со стенки, за которую цеплялся пальцами в толстых подводных перчатках. Баллоны и груза неудержимо тащили его вниз.

Мгновенно вставив в рот загубник, Дианов практически сразу провалился до самого дна сифона, которое в этом месте было неглубоко – метрах в четырех с половиной от свода. Оттолкнувшись ногами и подняв облако мути, Игорь тут же снова пошел на всплытие, но... увидел, что ему навстречу плавно опускается безжизненное Лехино тело.

Что было делать? В пузыре с такой ношей не всплывешь. Да и бессмысленно – не удержишься.

Тащить? Вперед – до зала Будкина, оставалось еще метров 30, назад, к выходу их сифона, было в два раза дальше.

Но что можно сделать в одиночку – по колено в воде на затопленной отмели за 100-метровым сифоном?

Оставалось идти к выходу. И Дианов, вцепившись одной рукой в Лехины ремни, а другой – в ходовой конец, потащил Леху через сифон.

Он практически шел по дну, подтягиваясь свободной рукой за ходовик, так как плыть с такой ношей было еще тяжелее.

Что в сифоне не ладно, страхующие поняли по странному поведению ходового конца, который начал ритмично и непрерывно напрягаться без всяких намеков на условные сигналы.

Тащить, как когда-то, было невозможно, так как подводники давно уже не протягивали через сифон закрепленный на себе страховочный трос, а разматывали ходовик из несомой с собой катушки. Линия была проложена предыдущей экспедицией и закреплена на отмели в зале Будкина.

Галайда, готовый к погружению, немедленно пошел в сифон, но практически через мгновение оттуда, из черной глубины, замаячил свет.

Потом... да что там, все уже было поздно. Четыре часа борьбы – массажа, искусственного дыхания и инъекций, не дали никаких результатов.

Ни-ка-ких.

Экспертиза вынесла странное заключение – газовая эмболия, закупорка кровеносных сосудов пузырьками газа. В результате – смерть.

В то же время экспертизой достоверно не установлено наличия баротравмы легких – нарушений легочной ткани, через которые в кровь мог попасть воздух.

Кессонная болезнь на глубине 4,5 метра? Маловероятно.

Что же случилось?

* * *

Я пишу эти строки 6 марта – ровно через два года с того страшного дня. Мы так и не знаем, что произошло.

Леха не успел объяснить и теперь не объяснит уже никогда.

Ночь звонком распорота, память – как в сполохах,
И дрожит предательски телеграммы лист.
Сколько мы с тобой еще не допели, Леха!
И пещер мы сколько не прошли...
   Оборвалось что-то, оборвалось
   Долгой болью в сердце, не пойму...
   Ты ушел, а мы вот... мы остались,
   Хоть у нас нельзя, чтоб одному.
У пещер любимых с завидной сноровкой
Выбивает время наши имена,
И в пустых ладонях не дрожит страховка –
Прямо в душу тянется она.
   Как ты? Слышишь? Первым трудновато...
   Ты кольни мне в сердце, я пойму.
   Вот уже и Там свои ребята...
   Ведь у нас нельзя, чтоб одному.
Мы нальем стаканы, помолчим немного,
Растревожит ветер новых песен дым,
Древние сказали б – кого любят Боги,
Тот уходит в Лету молодым.
   Подойдет к исходу новый день нелегкий,
   Канут горы эти в призрачную тьму,
   И сидит меж нами, как и прежде, Леха –
   Чувство неподвластное уму... (*201)

Проходит год за годом с того страшного дня...

***194 К.Б.Серафимов** "Памяти Лехи Казеннова" Москва, 1988г.

***195** Может быть, теперь эта ситуация изменилась? Где вы, первопроходцы!

***196** Подземная река Сумгана появляется на свет в источнике Сукурай на правом берегу реки Белой (не путать с левобережным источником Сукуруй, где погиб С.Будкин). В составе первой нашей спелеоподводной экспедиции в ее сифонах работали москвичи Юрий Панов, Игорь Дианов, Владимир Свистунов, Борис Вейс, Владимир Ермилов и Дмитрий Журавлев. Экспедиция пришла по следам летней рекогносцировочной вылазки студентов МВТУ им.Баумана Игоря Дианова и Юрия Панова.

***197** Звуковая сигнализация на отвесах с ограниченной слышимостью предполагала один свисток – пошел на спуск, два свистка – поднимаюсь, три свистка – стоп. Со свистками мы не расставались и использовали их по назначению.

***198** Только через 6 лет, в январе 1984 года рекорд нашей экспедиции был повторен Ю.Корнеевым, Красноярск, в знаменитом источнике Мчишта на Западном Кавказе. И только через 12 лет превзойден. Но об этом дальше.

***199** Это потом уже поняли, что ходовой конец удобнее и безопаснее разматывать с несомой с собой катушки. Интересно, почему в начале любого дела в голову приходят далеко не самые удачные решения?

***200** Из-за значительной длины съемочного хода неизбежно возникала погрешность, в результате чего мы вполне могли оказаться и на пару метров ниже уровня современного водотока: глина – материал водоупорный. При мысли, что будет, если вода пойдет в забой, становилось весьма неуютно.

***201 К.Б.Серафимов** "Памяти Лехи Казеннова" Москва, 1988г.

Константин Борисович Серафимов
"ЭКСПЕДИЦИЯ во МРАК"
www.sumgan.com